

вращении Евдокии домой с полпути, когда она узнала о смерти кагана (Ibid., p. 21—22).

³⁵ Σταύρος Α. Ν. Τὸ Βυζάντιον στὸν ζ' αἰῶνα. Ἀθήνα, 1972, τ. IV, σ. 41.

³⁶ Hitti P. K. History of the Arabs. L., 1970, p. 166; Butler A. J. Op. cit., p. 468—483.

³⁷ M. J. de Goeje. Mémoire sur la Conquête de la Syrie. Leiden, 1900, p. 29.

³⁸ Кривош М. В. Указ. соч., с. 101.

Н. И. СЕРИКОВ

К ВОПРОСУ О «ЧУЖОЙ РЕЧИ» В ПРОИЗВЕДЕНИИ ЕВСТАФИЯ СОЛУНСКОГО «О ЗАХВАТЕ СОЛУНИ»

(на материале цитат из Гомера и Ветхого завета)

В обширной библиографии работ, посвященных Евстафию Солунскому, — немного исследований, которые проливали бы свет на его литературную деятельность как таковую, на авторскую индивидуальность и творческий метод писателя, отразившего предренессансные тенденции в развитии византийской культуры XII в. В нашей статье предпринята попытка осветить один из аспектов этой сложной проблемы. Цель ее — воссоздать на материале цитат Евстафия, преимущественно из Гомера и Ветхого завета, некоторые элементы творческого метода писателя и, таким образом, проследить его отношение к предшествующей литературной традиции.

Правомерность постановки вопроса об индивидуальной авторской позиции применительно к византийскому автору XII в. обусловлена всем характером развития византийской литературы в этот период. Как известно, XII век — время ломки и перестройки традиционных жанров (хроника, эпистолография) и возникновения новых (роман), распространения переводной литературы¹. На этот период приходится и появление первых профессиональных литераторов: Феодор Продром (1100—1170), Иоанн Цец (1110—1180) и, наконец, Евстафий Солунский (1115—1195). Именно начиная с этого столетия византийская литература может быть охарактеризована с большим основанием, чем прежде, как «история людей» — людей, которые ее создают, для которых она создается, которые находят в ней отображение.

Исследуемое сочинение Евстафия Солунского посвящено описанию осады и захвата Солуни в 1185 г. войсками Вильгельма II, правителя Сицилийского королевства. По своему характеру это произведение мемуарного жанра, написанное страстным и взволнованным языком человека, ставшего свидетелем гибели родного города.

Сочинение Евстафия, знатока античности, комментатора Гомера, Аристофана, Пиндара, Дионисия Периегета, изобилует цитатами и реминисценциями². В зависимости от способа введения в авторский текст цитатный материал рассматриваемого сочинения Евстафия может быть подразделен на три типа: «адресные» цитаты (с точным указанием источника). «полуадресные» (снабженные указанием лишь на то, что этот текст не принадлежит Евстафию) и «безадресные» (органически входящие в повествование и не выделяемые автором каким бы то ни было образом).

С точки зрения задачи исследования интерес представляют главным образом «полуадресные» и «безадресные» цитаты. В средневековой литературе использование «чужого» текста без ссылки на источник не рассматривалось как плагиат. Такого рода цитата была наделена особой функцией и являлась своеобразным способом «расшифровки» того или иного пассажа в авторском тексте, «указанием» на нужное его понимание³. Анализ соотношения контекста цитаты и контекста, в котором она используется византийским автором, своеобразное «столкновение» контекстов позволяют выявить подлинное отношение писателя к тому, о чем идет речь в том или ином случае. Цитаты могли быть заимствованы авто-

ром из контекста, или подтверждающего его собственный, или стоящего к нему в оппозиции, создавая посредством своеобразного «диалога» между авторским словом и словом «чужим» определенный подтекст произведения⁴. Напротив, «адресная» цитата, «авторитарное слово»⁵, несет иную функциональную нагрузку и не создает, как правило, «диалога» и «столкновения» контекстов⁶.

Обратимся к анализу приемов цитирования у Евстафия. Прибегая к противопоставлению античного контекста собственному, Евстафий стремится подчеркнуть трагизм положения осажденных врагом сограждан и создает общий пессимистический тон своего повествования. Так, рассказывая о погибших солунянах, Евстафий перефразирует гомеровский стих ὄναρ... στῆ δ' ἄρ' ὑπὲρ κεφαλῆς Νηληϊφ' οὔτι εὐοικῶς... [стал над головой он (сон) царевой Пелееву сыну подобный]⁷ следующим образом: καὶ ὄναρ κακὸν ἐφίστατο ὑπάρ τῇ κεφαλῇ καὶ ὁ βλέπων αὐτὸν κατέμυεν εἰς θάνατον [страшный сон вставал у них (солунян) над головой, и видящий его погружался в смерть]⁸. У Гомера речь идет о вешем сне, ниспосланном Агамемнону Зевсом в облике Нестора; сообщив ему волю отца богов, сон исчезает, и Агамемнон в противоположность солунянам «очнулся от сна».

С аналогичной целью перефразирует Евстафий и начало другой гомеровской песни: Ἥλιος δ' ἀνόρουσε περικάλλεα λίμνην (Гелиос с моря прекрасного встал и явился на медном своде небес...) — Ἥλιος μὲν νέον προσέβαλλεν ἀρούρας οὐκ ἔσχε δὲ θανάσιμον διαλύσαι νύκτα (... солнце, которое привело на пашни новый день, не смогло разрушить смертоносную ночь...) ¹⁰ (у Гомера же солнце, напротив, встает, чтобы светить богам и смертным).

Этот же прием противопоставления контекстов с целью подчеркнуть жестокость окружавшей его действительности использует Евстафий, описывая расправу Андроника Комнина со знатью Константинополя. Цитируя Гомера, он пишет: «они были захвачены сетью, как рыбы»¹¹. Но в V песни «Илиады», откуда заимствована эта фраза, речь идет лишь о возможности подобной беды: «Гектор, блюдишь, да объаты как всеувлекающей сетью, все вы врагов разъяренных не будете плен и добыча»¹², говорит Сарпедон Гектору.

Пессимистический тон повествования создается также посредством использования аналогичным образом цитат из Ветхого завета. Так, латиняне, окружив Солунь, «извергали огонь гнева»¹³. Параллельное место — в книге пророка Иеремии¹⁴, где господь призывает «мужей Иуды» снять «крайнюю плоть сердца их», чтобы гнев его не «открылся» как огонь. Автор подчеркивает, что беда, которой бог только угрожал евреям, обрела реальность для солунян. В другом месте, описывая прорыв латинян в город, автор говорит, что жители «возвели очи на акрополь, как на гору, ожидая оттуда прихода помощи»¹⁵. Но если основной мотив псалма 120, реминисценцией которого являются эти слова, — уверенность в поддержке господом народа Израиля¹⁶, то здесь стремление автора подчеркнуть беззащитность солунян и безвыходность их положения.

Евстафий перефразирует и переосмысляет не только целые пассажи, но и отдельные слова, с тем чтобы усилить эмоциональную и смысловую выразительность собственного повествования. Так, он наделяет Ареса парадоксальным эпитетом «разумный» (φρενήρης)¹⁷ (который традиция приписывает Афине)¹⁸ в противовес «слепому мечу и копыю». Евстафия не смущает возникающее несоответствие античной традиции: ему важно подчеркнуть, что древние могли мольбами смягчить Ареса, несмотря на всю его жестокость¹⁹, тогда как копые и меч, несущие гибель солунянам, неуомлимы.

Евстафий прибегает порой к приему реминисценций и для достижения комического и, таким образом, уничтожающего эффекта. Повествуя о тех же латинянах, он пишет, что «земля их произвела великое войско»²⁰. Начало этого выражения заимствовано из Псалтири, где, однако, вместо слова «войско» фигурирует иное — «жабы»²¹.

К этому приему, явно рассчитанному на искушенного в литературных и богословских тонкостях читателя²², Евстафий часто прибегает при характеристике тех или иных лиц. Говоря о ненавистном ему Андронике Комнине, он замечает, что приход к власти не смягчил нрава Андроника, напротив, он стал «свирепствовать нестерпимо»²³. Используя в данном случае гомеровскую характеристику Киклопа²⁴, Евстафий как бы «приравнивает» Комнина к последнему. Ниже посредством аналогичного приема Андроник сравнивается с убивающим Зевсом²⁵. Используя гомеровское слово «низринул» (προϊάπτει²⁶) при описании низложения Андроником Алексея II Комнина, Евстафий вызывает у читателя ассоциацию Андроника с неистовствующим Ахиллом²⁷. Гомеровские слова «дурной приемел дурного»²⁸, используемые Евстафием по отношению к Андронику и Феодору Маврозому²⁹, наталкивали читателя на следующие за этой «цитатой» стихи:

Ты, свинопас bestолковый, куда путешествуешь с этим Нищим, столов обирателем, грязным бродягой, который Стоя в дверях, неопрятные плечи об притолку чешет, Крохи одни, не мечи, не котлы получая в подарок. Мог бы у нас он, когда бы его к нам прислал ты, закуты. Наши стеречь, выметать их, козлятам подстилки готовить³⁰.

С точки зрения характеристики творческого метода Евстафия определенный интерес представляет также выяснение степени точности передачи писателем цитируемого текста: сохранение редких форм и выражений, метрики, порядка слов. Можно отметить, что в случае «адресной» цитаты писатель переносит без изменения форму и порядок слов (не сохраняется только единственное и множественное число).

Гомер

τοῦ ἐγὼ μέσον ἦπαρ ἔχοιμι³¹/ὅς δὴ
πολλῶν πολίων κατέλυσε κάρηνα³²/
/πολλῶν ἀνδρῶν γούνατ' ἔλυσεν³³

Евстафий

ἀνδρὸς . . . οὐπερ ἠδέως ἄν μέσον ἦπαρ
ἔχοιμι ὁδᾶξ ἐμφύς, κατὰ τὴν ὀμηρικὴν
εἶπειν γραίαν, ἀνθ' ὧν καὶ τηλικαύτης
πόλεως κατέλυσε κάρηνα καὶ πολλῶν ἀν-
δρῶν γούνατ' ἔλυσεν³⁴.

Здесь «адрес» — κατὰ τὴν ὀμηρικὴν εἶπειν γραίαν.

Для «полуадресных» цитат характерны лексические изменения: вместо гомеровского *τάλαντον* («весы») используется более позднее *πλαστιγῆς*, не употребительное в XII в. двойственное число *κῆρε* заменяется на множественное *κῆρας*. С другой стороны, происходит «гиперпоэтизация»: гомеровское *θάνατος* заменено на *Τάρταρος*³⁵, также «сочиняются» слова по образцу гомеровских: *ἔκρουσιακούσιοι*³⁶. «Безадресные» цитаты, напротив, иногда почти целиком сохраняют структуру гексаметра, но изменяются грамматически для согласования с контекстом. Тут — обратный эффект в сравнении с «адресными» цитатами, где не цитата согласуется с контекстом, но контекст с цитатой.

Гомер

σὺ δὲ μαινεαὶ οὐκέτ' ἀνεκτῶς/εἰς ὄρος ἦ
εἰς κῆμα πολυφλοισβοῖο θαλάσσης/κατέδου
πόλιν εὐρύαγυιαν.

Евстафий

μαινεσθαι οὐκέτ' ἀνεκτῶς³⁷/εἰς ὄρος εἶθε
εἰς κῆμα πολυφλοισβοῖο θαλάσσης³⁸/κα-
τέδου πόλιν ἐκείνην εὐρύαγυιαν³⁹.

Иногда сохраняются некоторые гомеровские формы: *προϊάπτει*⁴⁰, *ἥελιος*⁴¹, *παναφήλιξ*⁴². В случае постановки в начале периода гомеровского *ἥελιος* отрывок приводится Евстафием в метрическую структуру⁴³, в которой легко можно выделить ямбические стопы: *Ἥελιος μὲν νέον προσέβαλλεν ἀρούρας*

Что касается языка, то в «безадресных» и в «полуадресных» цитатах наблюдается упрощение слов, отсутствие эпического растяжения, использование описательных конструкций, а из встречающихся морфологических архаизмов — эпический родительный (-οῖο-) и дательный (-σι-)⁴⁴.

Таким образом, отмеченные несовпадения и несоответствия, особенно характерные для «безадресных» цитат, не результат неряшливости, цитирования по памяти, как могло бы показаться на первый взгляд. Напротив, это один из важных элементов творческого метода писателя следствие адаптации цитируемого материала, осмысления его автором применительно к описываемой им действительности⁴⁵.

- ¹ См.: История Византии. М., 1967, т. 2. гл. XVIII; Фрейберг Л. А., Попова Т. В. Византийская литература эпохи расцвета, IX—XV вв. М., 1978, с. 128.
- ² Работа основывается на цитатах, выявленных в кн.: *Eustazio di Tessalonica. La espugnazione di Tessalonica* / Ed. S. Kyriakidis. Palermo, 1961 (далее — *Eust.*).
- ³ *Гаспароз М. Л., Рязина Е. Г.* Вергилий и вергилианские цитоны (поэтика формул и поэтика реминисценций). — В кн.: Памятники книжного эпоса. М., 1978, с. 190—211.
- ⁴ *Бахтин М. М.* Вопросы литературы и эстетики. М., 1975, с. 154.
- ⁵ Там же, с. 154, 158 (авторитарное слово — «слово отцов», которое навязывается нам независимо, требует признания и усвоения. . . оно уже усвоено в прошлом).
- ⁶ Там же, с. 77. Впрочем, этого нельзя отнести целиком к византийской литературе — порой именно «авторитарное» слово создает столкновение контекстов, см.: *Nicetae Choniatae Hist. Berol. et Novi Eb. MCMLXXV 183₇₄* (PS, 139, 8).
- ⁷ II., II.20 (здесь и далее перевод Н. И. Гнедича).
- ⁸ *Eust.*, 6.24—25.
- ⁹ Od., III.1 (здесь и далее перевод В. А. Жуковского).
- ¹⁰ *Eust.*, 6.24—22.
- ¹¹ *Eust.*, 40.19—20; ср.: *Ibid.*, 78.24.
- ¹² II., V. 487.
- ¹³ *Eust.*, 6.27—28.
- ¹⁴ *Ier.*, 4.4: 15.4.
- ¹⁵ *Eust.*, 8.14—15.
- ¹⁶ *Psalt.*, 120.4, 5.
- ¹⁷ *Eust.* 8.3.
- ¹⁸ *Hunger H.* Die Normannen in Thessalonike. Styria. Graz, Wien; Köln, 1965. S. 148.
- ¹⁹ *Autenrieth-Kaegi: Wörterbuch zu den Homerischen Gedichten.* Leipzig. 1904, S. 53.
- ²⁰ *Eust.*, 64. 13.
- ²¹ *Psalt.*, 104. 39 (βατράχους).
- ²² *Литаврин Г. Г.* Как жили византийцы. М., 1974, с. 150; *Βασιλικοπούλου'Ιωαννίδου Α.* Ἡ ἀναγέννησις τῶν γραμμάτων κατὰ ΙΒ' αἰῶνα καὶ ὁ Ὀμηρος. Ἀθήναι, 1971, с. 53.
- ²³ *Eust.*, 52.13.
- ²⁴ Od., IX.350.
- ²⁵ *Eust.*, 54.19—20; ср.: II., XV.137.
- ²⁶ II., I.3—4.
- ²⁷ См. там же пассаж: *Eust.*, 40.19—20; ср.: 78.24—II 5.487, о чем было упомянуто выше.
- ²⁸ Od., XVII. 217: *καχὸς καχὸν ἠγάλαξε*. О проverbsиальности этого выражения см.: *Βασιλικοπούλου'Ιωαννίδου Α.* Op. cit., с. 151.
- ²⁹ *Eust.*, 46. 30.
- ³⁰ Od., XVII. 218—225.
- ³¹ II., XXIV. 212.
- ³² *Ibid.*, II. 117.
- ³³ *Ibid.*, XIII. 360.
- ³⁴ *Eust.*, 72. 7—9.
- ³⁵ *Ibid.*, 82.27.
- ³⁶ *Ibid.*, 138. 18; см.: *Βασιλικοπούλου'Ιωαννίδου Α.* Op. cit., с. 163.
- ³⁷ Od., IX.264; *Eust.*, 52.34.
- ³⁸ II., VI.347; *Eust.*, 102.7 (цитата выявлена Г. Хунгером).
- ³⁹ Od., IV.246; *Eust.*, 36.6.
- ⁴⁰ II., I.3; *Eust.*, 52.15.
- ⁴¹ Od., III.1; *Eust.*, 6.21.
- ⁴² II., XX.490; *Eust.*, 18.17.
- ⁴³ *Eust.*, 6.21—22.
- ⁴⁴ II., XXII.76; *Eust.*, 8.5.
- ⁴⁵ *Ibid.*, 68.27; ср.: 16.259; *Ibid.*, 82.6; ср.: 10.257; *Ibid.*, 22.22; ср.: 13.415.